

Роман с истерией: от феминистского постлакановского психоанализа к новым исследованиям истерии

Ирина Жеребкина

*Доктор философских наук, профессор философского факультета
Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина,
площадь Свободы, 6, Харьков, Украина
E-mail: irinaz@univer.kharkov.ua*

Роман с истерией: от феминистского постлакановского психоанализа к новым исследованиям истерии

Аннотация:

Статья посвящена такому влиятельному направлению феминистской теории конца прошлого века, как постлакановский феминистский психоанализ, и переосмыслению его проблематизаций в современной феминистской теории. Представлен проект критической

реинтерпретации психоаналитической теории истерии в концепции так называемого «истерически вовлеченного» феминизма и влияние его методологии на теории и практики феминистской литературной критики. Рассмотрены полемика и основные критические аргументы против «истерически вовлеченного» феминизма в феминистской теории 1990-х годов прошлого века и проект его перезапуска в 10–20-е годы нынешнего века. Показано, что в начале третьего десятилетия XXI века во многом благодаря феминистским теоретикам психоанализа 1980-х и далее оппозиции «психоанализ — феминизм» и «феминизм — истерия» представляются архаическими и методологически не продуктивными, и, как считают многие ведущие исследовательницы психоанализа, такие как Джулиет Митчелл, Жаклин Роуз, Тереза де Лауретис, Мариам Ализаде, Жаклин Шаффер и др., именно психоанализ как никакая другая дисциплина способствовал росту женского самосознания и феминистской мобилизации, несмотря на его маскулинистские традиции и часто откровенно манифестируемый антифеминизм.

Ключевые слова:

Феминистский постлакановский психоанализ, «истерическое вовлечение», «случай Доры», нефаллогцентристское желание, женское наслаждение, женское письмо, новые исследования истерии, мания, истерическая симуляция.

В своем знаменитом эссе «Время женщин» 1979 года Юлия Кристева утверждает, что женская субъективность темпорально разделена между циклическим природным временем (менструальный цикл, беременность, биологические часы) и монументальным временем (вечность, мифы о возрождении, материнские истории и т. п.) (Кристева 2005: 128). Эти модальности противостоят линейному времени истории (телеология, прогресс, созидание) и его территориальным констелляциям (национальные воображаемые, историческая культурная и религиозная память). Согласно Кристевой, экзистенциалистские феминистки 1960-х стремились обрести свое место в линейном времени планирования и прогресса. В отличие от них, феминистки, которые пришли в феминизм после мая 1968 года, принесли с собой собственный эстетический или психоаналитический опыт и стали искать язык для того, чтобы выразить свои телесные и подчас хаотичные интерессубъективные переживания, которые замалчивались в культуре прошлого (Там же: 129). Другими словами, определяя

время женщин, Кристева характеризует его как время отказа от линейного времени идентичностей и поиска творческого художественного и научного переворота, открытий в области женской психологии, требующих разрыва с порядком стремящегося к стабильности и созидательности эпического времени.

Размышляя над понятием времени женщин, введенным Кристевой, Наоми Шор в предисловии к своей книге «Плохие объекты» (1995) предлагает мыслить время феминизма не только в виде биологических, природных или социальных циклов, но и как периоды политического активизма, которые она измеряет, следуя логике линейного времени, — десятилетиями.

Шор начинает считать свое феминистское время с 70-х годов прошлого века, которые вызывают у нее воспоминания о ее феминистской молодости и развитии феминистского сознания у нее и ее подруг. Феминистские 1980-е озаглавлены, по ее мнению, прежде всего французским, британским и американским психоаналитическим феминизмом. Это было время, когда Юлия Кристева, Элен Сиксу, Люс Иригарей, Джейн Гэллоп, Тереза де Лауретис, Лора Малви, Жаклин Роуз, Джулиет Митчелл, Торил Мой, Мэри Якобус, Алис Жардин, Шошанна Фелман и др., так же как сама Шор, использовали Фрейда и Лакана в целях критики патриархата, фаллического символического порядка, дискурсивной оси власти пола (Schor: 161). Эти психоаналитические феминистки создали выдающийся, как считает Шор, феминистский словарь, включающий такие понятия, как хора (неограниченный семиозис), женское наслаждение (*jouissance feminine*), женское письмо (*écriture feminine*), вагинальный символизм и др. 1980-е, по мнению Шор, были также насыщены феминистской вовлеченностью в постколониальную теорию, иницированную знаковыми эссе Гайятри Чакраворти Спивак «Французский феминизм в международном контексте» (1981) и «Могут ли угнетенные говорить?» (1985), работами Глории Анзальдуа, Чандры Талпад Моханти и др., критически переосмыслившими политики расовых и культурных различий.

1990-е во временном графике Шор принадлежат квир-теории, движению, импульс которому дали книги Ив Косовски Седжвик «Среди мужчин: английская литература и мужское гомосексуальное желание» (1985) и Джудит Батлер «Гендерная тревога: феминизм и подрыв идентичности» (1990) (Ibid.: 162).

В то же время начиная с 1990-х в международном феминизме наступает период так называемого *backlash*, когда представители консервативных сил наносят ответный удар против феминистских достижений 1970–80-х годов (см.: Faludi 1991),

отражающийся как на феминистском активизме, так и на феминистской теории, основной акцент в которых переносится на проблематику защиты женских прав и борьбу против различных форм насилия над женщинами. 1990-е и далее — это уже время экстенсивного развития феминистской теории. *Women's studies* программы открываются в университетах всего мира, особенно в США — сотнями. Публикации по гендеру издаются тысячами и заполняют полки книжных магазинов и библиотек, особенно американских. Но время великих феминистских книг проходит; феминистских текстов-событий становится с каждым годом все меньше и меньше. Заметные события в феминистской теории 1990-х и далее — это делезианский феминизм (Рози Брайдотти, Элизабет Гросс и др.) и киборг-феминизм (Донна Харауэй, Сэди Планта и др.), которые стремятся развивать феминистскую теорию в плане имманенции, но делают это в общем постгуманистическом тренде. Джудит Батлер, «официальный» мировой лидер в философии феминизма, все меньше пишет специально о феминизме (после прославивших ее «Гендерной тревоги» [1990] и «Тел, которые значат» [1993] у нее выйдет только одна книга, специально посвященная философии феминизма — «Раздельвая гендер» [*Undoing Gender*; 2004]) и все больше — по общефилософским вопросам.

Также в 1990-е набирает обороты (прежде всего в США и Канаде) критика интеллектуальных течений в феминистской теории (за то, что в своих абстрактных теориях они занимаются «дискурсами и игрой знаков» и забывают о «реальных женщинах», которые, как формулирует Марта Нуссбаум, критикуя Джудит Батлер, «голодны, неграмотны, лишены прав, избиты, изнасилованы» и которые любому символическому «предпочли бы еду, школы, право голоса и целостность своих тел» [Нуссбаум: 2018]) и продвижение феминисткой повестки, обращенной к насущным социальным проблемам большинства женщин, — таким как домашнее насилие, неоплачиваемый домашний труд, сексизм и сексуальные домогательства на работе, порнография и т. п.

В результате в начале XXI века среди феминистских исследовательниц развивается своеобразная ностальгия по 80-м годам прошлого века, которые ретроактивно начинают восприниматься как время пика продуктивности и радикальности феминистской теории, носившей революционный характер и реально повлиявшей на другие социальные дисциплины. В этом контексте ряд исследовательниц/ей психоанализа предлагают проект возрождения феминистски ориентированного психоанализа,

и в том числе феминистских исследований истерии, популярных в 1980-е.¹ Как утверждает, в частности, Сесили Деверё в статье «Истерия, феминизм и возвращение гендера: случай второй волны» (2014), «пересмотр этого периода в истории феминизма обнаруживает расцвет письма и феминистских политик, вовлеченность которых в проблематику истерии является свидетельством социального и культурного опыта женщин этого времени, когда женское письмо процветало и, что особенно важно, репрезентировало ту критическую практику, радикальный потенциал которой был приостановлен в ходе отката 1990-х» (Devereux 2014: 23).

Какие основные идеи и теории развивает феминистский психоанализ 1980-х годов, и что привлекает в нем современных исследовательниц?

Феминистский психоанализ 1980-х годов часто определяют как постлакановский, поскольку ведущую роль в нем играют различные критические интерпретации идей Жака Лакана, уделявшего большое внимание теме женской субъективности и сексуальности.² Но если Лакан, рассматривая структуру женской субъективности, обозначает ее как гносеологическую и логическую структуру предела, за которым ничего, кроме наших меняющихся фантазматических представлений о женском, нет (отчасти отсюда знаменитый лакановский тезис «женщина не существует»), то феминистские исследовательницы стремятся вопреки лакановским формулировкам (хотя и с помощью его методологии) разработать топологию именно женской субъективности и предлагают ее различные модели, делая акцент на

¹ Среди современных психоаналитических исследований, концептуально близких феминистскому психоанализу 1980-х годов и продолжающих его традиции, можно назвать работы таких известных теоретиков психоанализа, как Мариам Ализаде (*Mariam Alizade*), Жаклин Шаффер (*Jacqueline Schaeffer*), Френсис Томсон-Сало (*Frances Thomson-Salo*), Лаура Тогноли Паскуали (*Laura Tognoli Pasquali*) и др. Особого внимания в этом ряду заслуживает серия коллективных монографий «Психоанализ и женщины» (*Psychoanalysis and Women Series*), инициированная в 2018 году Комитетом женщин в психоанализе Международной психоаналитической ассоциации (*Committee on Women in Psychoanalysis of the International Psychoanalytical Association*), в которой на сегодняшний день в издательстве *Routledge* опубликовано 17 книг, включая такие коллекции работ ведущих исследовательниц/ей в области психоанализа, как *The Embodied Female* (2018), *Women and Creativity: A Psychoanalytic Glimpse Through Art, Literature, and Social Structure* (2018), *The Courage to Fight Violence Against Women: Psychoanalytic and Multidisciplinary Perspectives* (2018) и др.

² Подробнее о феминистском постлакановском психоанализе см.: (Жеребкина 2007: 161–194).

понятии *женского желания*. Феминистская концепция желания направлена на то, чтобы подчеркнуть самодостаточность и активность женской субъективности, а также принципиальное различие мужского и женского типа субъективации, которая осуществляется вне сферы «фаллической экономики символической кастрации», в терминологии Лакана. При этом лакановский категориальный аппарат и методология анализа направляется феминистками против него самого с целью деконструкции традиционных психоаналитических моделей женской субъективности, а также феминистского *нефаллического* (термин американского феминистского психоаналитика и философа Джейн Гэллоп) прочтения классических случаев анализа пациенток Фрейдом и его последователями (случаи Анны О., Доры и др.).

В феминистском психоанализе особое внимание уделяется женской истерии (стратегии так называемой «истерической вовлеченности» [*hysterical engagement*] и мобилизации истерии), излечение которой являлось главной задачей психоанализа с момента его возникновения¹ и которая в феминистском прочтении трактуется как ресурс, позволяющий субъекту реализовать ее/его креативный и эмансипаторный потенциал. Причем возникновение «истерически вовлеченного» феминизма совпадает по времени с процедурой исключения истерии из официального медицинского психиатрического дискурса, точка зрения которого совпадает с феминистской в том, что истерия не является клинически диагностируемым состоянием.²

Родоначальницами феминистской традиции «истерической вовлеченности» стали французские философы и психоаналитики Элен Сиксу, Катрин Клеман, Люс Иригарей и Юлия Кристева, а инициированное ими направление в феминистской теории приобрело маркировку «французского феминизма», который часто противопоставляют американскому феминизму как ориентированному преимущественно не на философско-литературную, а на социально-правовую проблематику. Среди первых и наиболее влиятельных текстов, сформировавших традицию «истерической вовлеченности», — «Новорожденная женщина» (*La jeune née*; 1975, английский перевод — 1986) Элен Сиксу и Катрин

¹ Подробнее см.: (Жеребкина 2018).

² Из принятой в США номенклатуры психических расстройств — Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders, DSM) истерия была исключена в 1980 году и расчленена на ряд частных диагнозов, таких как «диссоциативные расстройства идентификации», «соматоформные расстройства», «театральные личности», «посттравматические стрессы» и др.

Клеман, «Зеркало другой женщины» (*Speculum de l'autre femme*; 1974, английский перевод — 1985) и «Этот пол, который не единичен» (*Ce Sexe qui n'en est pas un*; 1977, английский перевод — 1985) Люс Иригарей, которая, как и Клеман, являлась ученицей Лакана и была исключена из лакановской *école freudienne* после публикации *Speculum de l'autre femme*.

В книге «Новорожденная женщина», построенной Сиксу и Клеман в форме философско-психоаналитических диалогов,¹ структура женской субъективности определяется через истерию, которая понимается не как психическая патология, разновидность невроза, а характеризуется через специфическое отношение к языку и культуре, нарушающее традиционные культурные коды. Истери́чка/истерик, в интерпретации Сиксу и Клеман, это та/тот, кто «слышит, но не понимает», и поэтому находится в непрерывном поиске ускользающего смысла и соответствующих ему ускользающих слов и событий (Sixous and Clement 1986: 4). В результате истерический субъект становится той/тем, кто непрерывно оспаривает и подрывает существующий порядок знания и рациональности и вводит в культуру измерение, названное Фрейдом «неудовольствием культурой». Психоаналитики были правы, по мнению Сиксу и Клеман, утверждая, что истерик — это преимущественно женщина, но они недооценивали трансформативный потенциал истерии. Например, шаман трансформирует себя, превращаясь в птицу, сумасшедший — в камень, а женщина-истеричка способна репрезентировать себя посредством чего угодно и в форме чего угодно (Ibid.: 5). Благодаря своей онтологической истеричности, структура женской субъективности является радикально двойственной: с одной стороны, она наиболее стабильна, позиционируя себя как мать и жена, с другой — она наиболее нестабильна не только потому, что имеет нестабильный биологический ритм, но и потому, что является существенным образом непредсказуемой и контингентной.

Ключевую роль в структуре женской истерической субъективности Сиксу и Клеман отводят механизму *женского наслаждения* (*jouissance feminine*), реализацию которого они рассматривают на примере известного фрейдовского «случая Доры»² — «идеальной истерички», истерия которой является, с точки зрения фемини-

¹ Книга «Новорожденная женщина» состоит из трех частей: первая написана Катрин Клеман, вторая Элен Сиксу, третья — неподготовленный и неотредактированный диалог между ними.

² Дора — это имя, которое Фрейд дает своей пациентке Иде Бауэр, героине его работы «Фрагмент анализа истерии (история болезни Доры)», опубликованной в 1905 году.

стского психоанализа, ответом на классическую женскую позицию в патриархатной культуре, в которой женщины лишены возможности откровенного и прямого выражения своих мыслей и чувств, в отличие от мужчин, которые, подобно отцу Доры или другу ее семьи господину К., всегда могут высказать свои мысли прямо, лицом к лицу (или по телефону, как с иронией уточняет Сиксу). Поэтому сообщить окружающим о своих чувствах и мыслях истеричка может только при помощи телесных действий (прямо или косвенно) и телесного языка. При этом, для того чтобы быть услышанной, интенсивность телесного коммуникативного усилия истерички должна не уступать, а превышать силу действия направленных на нее и ее тело ограничительных процедур. Поэтому истерия, считают Сиксу и Клеман, — это всегда эксцессивное женское действие, когда, используя истерику, женщина реализует свое трансгрессивное наслаждение, проблематизируя тем самым традиционную маскулинную экономию желаний (Ibid.: 16). Через истеричку, уточняет Сиксу, говорят не слова, а само ее тело, манифестируя таким способом ее сопротивление патриархатному символическому порядку. Причем в силу ее интенсивности и эксцессивности истерическое наслаждение никогда не может быть подавлено и нейтрализовано, даже если на первый взгляд представляется, что доминирующий порядок обладает достаточными для этого ресурсами (Ibid.: 18). «Ты, Дора, — восклицает Сиксу, — ты неукротимое поэтическое тело, ты истинная «возлюбленная» Означающего. Твоя сила не замедлит проявиться, лишь только высвободится из-под гнета речь, направленная острием тебе в грудь, но начертанная против другого» (цит. по: Иригарей 2001: 812).

Решающая характеристика истерии, не позволяющая подчинить ее патриархатному порядку, то есть нормализовать и ограничить средствами классического психоанализа, — это эксцессивная страсть женского наслаждения, которая, как отмечает Сиксу, строится не как нормативная любовь-привязанность к определенным объектам (в этом смысле она, как и многие левые и феминистские теоретики, критикует понятие «собственности»), но как «любовь к любви» (Sixous and Clement 1986: 19). У страсти данного типа отсутствует определенный объект, так как истеричка желает «Всё». То есть она желает универсальное, а не партикулярное. Ее требования обеспечить ее универсальным являются непереносимыми для других, так как окружающий ее мир никогда не может дать истеричке это «Всё»: он обеспечивает ее только партикулярными, локализованными объектами, идентифицируемыми Лаканом как «объект а». Однако истеричка

не идет на компромисс в своих требованиях, продолжая желать свое наслаждение.

Сиксу определяет истерию как принципиально отличную от невроза, так как невроз, по ее мнению, строится как структура идентификации с Другим, описанной Лаканом как стадия зеркала: именно серии зеркальных образов функционируют в результате этой идентификации в невротической циркуляции. Но в системе невротической циркуляции нет места для истерички, считает Сиксу, так как истеричка разрушает, шизоизирует невротическую идентификацию, а не соучаствует в ее игре. Поэтому, по мнению Сиксу, истеричку (ее или его) невозможно заблокировать, невозможно вписать в определенное дискурсивное место, ибо он/а всегда с невероятной силой и хитростью будет сопротивляться любым попыткам блокировки и локализации (Ibid.: 20).

Невероятная сила, — по словам Сиксу, — кроется в их хрупкости, уязвимости, сравнимой лишь с их невыразимой интенсивностью. К счастью, они не сублимировались, они сохранили свою кожу, свою энергию. Они не тратили усилия на жизнь в тупике без будущего. Они гневно заселяли эти роскошные тела: замечательные истерички, которые заставили Фрейда сдаться перед многими чувственными, непередаваемыми словом признаниями, бомбардируя его, подобную Моисею, статую страстными плотскими словами тела, преследуя его своими неслышными, громогласными разоблачениями, ослепительные, более чем нагие под семью покрывалами целомудрия (Сиксу 2001: 812).

Развивая инсайты Сиксу и Клеман, американская феминистская теоретик Джейн Гэллоп в книге «Соблазнение дочери: феминизм и психоанализ» (1982)¹ также обращается к случаю фрейдовской Доры, акцентируя стратегии женского истерического соблазнения как форму протеста и создания «бреша в мужской социальной ячейке». Напоминая личные обстоятельства Доры, Гэллоп отмечает вслед за Лаканом, что Дора становится объектом сексуального «бартерного обмена» между

¹ В названии своей книги Гэллоп перефразирует название известной книги Джулиет Митчелл «Психоанализ и феминизм» (1974), вынося, в отличие от Митчелл, в словосочетании «психоанализ и феминизм» «феминизм» на первое место, чтобы решить задачу, которую, на ее взгляд, не выполнила Митчелл: очертить контуры женской субъективности в феминистских терминах, когда методология психоанализа выступает не ведущей, как у Митчелл, но лишь вспомогательной для феминистской теории.

мужчинами — господином К., который фактически предлагает свой собственный «объект» — госпожу К. — отцу Доры для того, чтобы взамен получить сексуальный доступ к Доре. Таким образом, Дора, по мнению Гэллоп, помещена в позицию, парализующую любые ее самосознательные действия по условиям контракта, который за ее спиной заключили мужчины. Доре неприятны ухаживания господина К., и она не желает сказать ему «да». Но она в принципе не может сказать и «нет» господину К., ведь когда она рассказывает родителям, что он пытался ее поцеловать, они ей просто не верят, принимая версию господина К. (Gallop 1982: 145).

Какую же поведенческую стратегию избирает в этой, казалось бы, безвыходной для нее ситуации Дора, мучительно не желающая быть «никем», как отзываются о своих женах господин К. и отец Доры, спрашивает Гэллоп? И отвечает: Дора на самом деле находит блестящий выход из этой тупиковой ситуации благодаря задействованию особой фемининной стратегии соблазнения, пародийно оборачивающей техники мужского соблазнения, использованные господином К., соблазвившим и бросившим свою гувернантку (Гэллоп 2001: 571). Гэллоп обращает внимание на то, что Дора никогда прямо не отвергает ухаживания господина К. и, напротив, принимает его подарки, письма и внимание, заботится о его детях, создает иллюзию, что она «интересуется» им. Она не только не запрещает К. его страсть, но, наоборот, всячески мотивирует его, активно используя для этого свою пассивную позицию. Но лишь для того, утверждает Гэллоп, чтобы в последний момент сказать ему «нет», превратив тем самым его фаллическое место власти в дефектное место отвергнутой гувернантки. Причем даже в этот решающий момент ее «нет» выражается в высшей степени неопределенно: оно представлено не в словах (устных или письменных), но телесно, в жесте истерического телесного спазма, посредством которого она реагирует на попытку господина К. поцеловать ее. Другими словами, заключает Гэллоп, Дора использует свой женский шарм и стратегии соблазна вовсе не для того, чтобы поддержать «отцовский закон», отводящий женской субъективности роль поставщицы мужского наслаждения, а чтобы получить свое собственное женское наслаждение вопреки всем препятствиям и кажущейся полной невозможности его реализовать. Гэллоп считает, что подобная стратегия женской реализации — это путь вызова фаллоцентристскому авторитету путем *насмешки, отсутствия интереса и индифферентности, репрезентирующей себя как интерес* (Gallop 1982: 145). Это *миметическое* соблазнение,

истерическая подмена целей, а не воплощение фаллического желания как желания достижения некоторой конечной цели обладания объектом (в этом Гэллоп солидаризуется с трактовкой женского нефаллоцентристского желания Сиксу и Клеман). Отсюда, замечает Гэллоп, возникает Дорина лесбийская установка на самодостаточную, открытую к отношениям вне патриархатного семейного договора женщину — госпожу К., сексуальный интерес Доры к которой также является вызовом миру мужского желания, который игнорирует в своем анализе Фрейд. Во всяком случае Дора, как считает Гэллоп, оказывается в результате единственной, кто остается в выигрыше в этой ситуации: формально соблюдая условия контракта, заключенного в отношении нее мужчинами, она в то же время их радикально нарушает, отказавшись от продолжения анализа и выйдя замуж, о чем так откровенно сожалел впоследствии Фрейд, также фактически поставленный Дорой в положение соблазненной и отвергнутой гувернантки, после того как отец Доры отказался оплачивать его сеансы по причине невыполнения условий контракта о Дорином излечении (Ibid.: 146).

Важным достижением феминистского психоанализа также считается его вклад в развитие феминистской литературной критики, теории и практики женского письма, в которой аффективный язык женского тела рассматривается как возможность новой формы литературного высказывания и радикального, авангардного литературного эксперимента. Здесь следует особо отметить разработку концепции женского языка Люс Иригарей, предложившей использовать в литературе и в философии вместо традиционного фаллического символизма патриархатной культуры альтернативный ему *вагинальный символизм*, ориентированный на то, чтобы непрерывно производить различия как в структуре значения, так и в синтаксической структуре. По словам Иригарей, против символической структуры Фаллоса как структуры «одного», символическая структура вагины выдвигает ни «одно» или «два», но «два в одном» — то есть множественность, децентрированность, диффузность, представленные женскими сексуальными органами, которые расположены практически повсюду, обеспечивая истеризацию всего женского тела целиком (Иригарей 2001: 131–132). Поэтому «вагинальный символизм» женского письма предполагает принципиально другой — в отличие от традиционного маскулинного — тип письма и чтения: «Вы должны слушать ее различающе — чтобы суметь услышать некое «другое значение», которое бесконечно вплетает себя в смысл, обнимая каждое из слов, но одновременно

не позволяя им стать застывшими и неподвижными» (Irigaray 1985: 28).

Манифестным текстом женского языка стала знаменитая статья Элен Сиксу «Хохот медузы» (первоначально опубликованная на английском языке в американском феминистском журнале «Знаки» [*Signs*] в 1976 году), которая является одновременно перформативной манифестацией женского письма. В ней Сиксу формулирует понятие женского письма как такого мятежного типа высказывания, которое освобождает женщину от маскулинистского типа языка, стремящегося к истине и верификации. По мнению Сиксу, мужчина невротическим образом фиксирован на фаллической функции в культуре, то есть стремится всеми средствами укрепить свою «я»-идентичность, в то время как женская сексуальность строится как гетерогенная, не сводимая к одной фигуре идентичности, включает измерение «инаковости» (например, «мужского» или животного) в структуру собственного «я». Но для того, чтобы акт женского письма состоялся, женщина должна писать самое себя, свое собственное тело, вкладывая его в свой текст, чтобы оно было услышано. Тогда женщина-автор сможет, по словам Сиксу, «[д]ействием письма выковать собственное оружие против вседержавного логоса. Стать по собственной воле завоевательницей и инициатором, обладательницей собственного права — в любой символической схеме, в любом политическом процессе» (Сиксу 2001: 805).

В то же время в 1980–1990-е годы на фоне всплеска инсайтов и открытий в феминистских исследованиях женской субъективности и женского творчества в сфере женских исследований разворачивается бурная полемика по поводу роли и значения психоанализа для феминистской теории, в частности, начинается критика стратегий «истерического вовлечения», которое оценивается рядом феминистских литературоведок, особенно в США, как затянувшийся «роман феминисток с истерией», дезориентирующий феминистских исследовательниц и искажающий задачи феминистского движения (Kelly 1990: 55).

Особенно резко выступила с критикой «истерического вовлечения» авторитетная американская специалистка в области женской литературы Элейн Шоултер, создательница метода «гинокритики» (*gynocritics*) (прочитывающей творчество женщин по критерию производства новых/феминистских текстуальных значений), автор знаковых книг — таких, как «Их собственная литература: британские женщины-писательницы от Бронте до Лессинг» (1977), «Женское расстройство: женщины, безумие и английская культура, 1830–1980» (1985), редактор

знаменитой коллекции «Новая феминистская критика» (1985), в которой собраны ставшие классическими работы по поэтике феминизма таких авторов, как Аннет Колодны, Сандра Гилберт и Сюзан Губар, Бонни Зиммерман, Рэйчел ДюПлесси, Алисия Острайкер, Нэнси Миллер, Розалинд Ковард и др.

Поддерживая инициированную Мэри Келли критику «истерической мобилизации» в феминизме, Шоуолтер пишет в статье «Истерия, феминизм и гендер» (1993), что этот странный союз истерии и феминизма, это страстное возрождение и очарование истерией во имя феминизма напоминает своего рода девичью фантазию об отношениях, охваченные которой, «истерически вовлеченные» феминистки не заняты настоящей критической деятельностью, а скорее романтизируют и присваивают истерию без всякой «отстраненности, необходимой для самокритики» (Showalter 1993: 334). В результате их деятельность не является ни полезной, ни продуктивной, ни радикальной, ни важной, а «парадоксальной» в смысле «чудаковатой», своего рода странным ребячеством, которым занимаются женщины в остальном достаточно умные и «успешные», например, «такие как Сиксу» (Ibid.: 332).

«Истерически вовлеченный» феминизм становится особенно «причудливым», по мнению Шоуолтер, когда в поисках феминистской героини обращается к фигуре Иды Бауэр, или Доры, которую Шоуолтер характеризует как «печально известную неудачливую истеричку» (Ibid.). «Истеричек, — утверждает Шоуолтер, — следует относить не к феминистским героиням, а к девианткам и маргиналкам, которые фактически укрепляют существующую социальную структуру, занимая изначально маргинальную позицию. Безусловно, — замечает она, — их роли совсем не радикальны, а, наоборот, в конечном итоге консервативны» (Ibid.). Истерички, считает Шоуолтер, не выходят за пределы своего приватного языка и не действуют, поскольку они не переходят к другим формам феминистской практики социального взаимодействия. По мнению Шоуолтер, якобы репрезентирующая феминистскую силу Дора, это — как ни парадоксально — «истеричка-неудачница» и «феминистка-неудачница», которая, в отличие от Берты Паппенгейм (Анны О., известной фрейдовской пациентки-истерички¹), не оставила никаких следов в феминистском активизме (Ibid.: 333).

¹Берта Паппенгейм (1859–1936), пациентка Фрейда, описанная им в «Очерках об истерии» (1885) под именем Анны О., случай которой послужил началом разработки фрейдовской теории истерии, впоследствии ставшая феминистской активисткой и лидером женского движения в Германии.

Таким образом, заключает Шоуолтер, «истерически вовлеченный» феминизм, романтизирующий и присваивающий истерию, в конечном итоге консервативен, поскольку манифестирует свой негативный опыт и эмоции непродуктивно. К сожалению, поясняет свою точку зрения Шоуолтер, когда страдания подчиненных и их протест игнорируются и долгое время остаются неслышанными, или когда открыто выражать негативные эмоции становится слишком опасно, люди теряют чувство юмора и способность к самокритике. Их гнев, вызванный тяжелыми социальными условиями, превращается в истерический язык тела; у таких людей могут в результате развиваться симптомы инвалидности, и они могут становиться агрессивными или склонными к суициду (Ibid.: 335). Эти аффективные, подчас истерические реакции на страдания, предупреждает Шоуолтер феминистскую аудиторию, ни в коем случае не следует романтизировать, а так называемое феминистское «истерическое вовлечение» с этой точки зрения не освобождает, а «выводит из строя» феминизм, действуя как «самоисполняющееся пророчество», тормозящее феминистский активизм и переключающее его с практики «реальных дел» на борьбу с языком как показателем и средством гендерного угнетения. Поэтому, заключает Шоуолтер, вместо того чтобы разрушать патриархат, «истерически вовлеченный» феминизм подвергает опасности сам феминизм (Ibid.: 335).

Разумеется, аргументы о неэффективности и даже вредности «истерической вовлеченности», направленные против феминистского психоанализа в целом, не остались неслышанными, и, как констатирует Гэллоп, к концу 1980-х феминистская исследовательская повестка сместилась от «теоретических дебатов» к задачам «институционализации феминистской литературной критики» (Gallop 1992: 3). Примерно в этот же период интерес к исследованиям истерического измерения женского письма, зародившийся в 1970-е, начал снижаться, одновременно слабеют позиции феминистской литературной критики, отходят на второй план, уступая место феминистской теории, которая «заточена» не на литературу, а на «реальные проблемы» «реальных женщин»: неоплачиваемый домашний труд, домашнее насилие, сексуальные домогательства и т. д.¹

¹ В 1990-е, когда в странах бывшего СССР после его распада появились феминизм и феминистская теория, в них — созвучно ситуации того времени на Западе — основной акцент также делался на «социальный вопрос», а в качестве ведущих гендерных дисциплин выступали социология и история. Интерес феминисток к философии, литературе и психоанализу оценивался в тот период как слишком абстрактный и не эгалитарный (популярными феминистскими лозунгами тогда были:

Сегодня, более 30 лет спустя, интерес к феминистскому психоанализу и проблематике истерии в феминистской теории вновь начинает возрождаться. Многие современные феминистские исследовательницы приходят к выводу, что феминистский психоанализ 80-х годов прошлого века был продуктивным, и его вклад в феминистскую теорию недооценен. Как утверждает Деверё, оспаривая критику Шоуолтер, «истерически вовлеченный» феминизм ни в коей мере не является консервативной повесткой. Наоборот, это «опасная методология», к которой необходимо вернуться в контексте проблематизаций феминизма третьей волны и возрождения термина «истерия» в культурных исследованиях, где возникает феномен «новых исследований истерии» (Devereux 2014: 41). «Несложно заметить, что истерия вернулась, — пишет Деверё, — и что предстоит сделать в новых исследованиях истерии, в этом перезапуске «истерии», — это прежде всего вернуться к принципам «возрождения» истерии конца XX века — или, во всяком случае, к выраженному в них желанию дать радикально новые определения и найти противоядие от того недуга патриархата, воплощенного в женских телах, который все еще никак не может завершиться и требует переименования (возможно, более решительного)» (Ibid.: 41–42).

В начале третьего десятилетия XXI века во многом благодаря феминистским теоретикам психоанализа 1980-х и далее оппозиции «психоанализ — феминизм» и «феминизм — истерия» представляются архаическими и методологически непродуктивными. Известные теоретики психоанализа, такие как Джулиет Митчелл, Жаклин Роуз, Тереза де Лауретис, Мариам Ализаде, Жаклин Шаффер и др., считают, что именно психоанализ как никакая другая дисциплина способствовал росту женского самосознания и феминистской мобилизации, несмотря на его маскулинистские традиции и часто откровенно манифестируемый антифеминизм.¹ Как заявила Юлия Кристева на 51-м

«надо заниматься реальными женщинами, а не дискурсами», и «феминистскую теорию необходимо излагать максимально доступно — в стиле „для чайников“»). Ситуация в постсоветских странах изменилась — так же, как и на Западе — в 2010-е, когда проблематика женского письма, феминистской философии и феминистского психоанализа вызвала волну массовой феминистской мобилизации (в том числе в форме сетевого активизма), в отличие от локальных, ограничивавшихся в основном академической средой акций либеральных феминисток, продвигавших гендерные исследования в 1990-е.

¹Сформулированный полстолетия назад Джулиет Митчелл тезис, что «психоанализ — это не рекомендация для патриархатного общества, но анализ его» (Mitchell 1974: xiii), в наши дни находит развитие в многочисленных исследованиях, посвященных взаимодействию и

конгрессе Международной ассоциации психоанализа в июле 2019 года в Лондоне: «За те две с половиной тысячи лет, которые существует этика, женское исключалось из сферы этики: оно не понималось как *субъект*, а в основном только как *объект* (в лучшем случае). Психоанализ разрушил это исключение женского, создав новую этику, которая «заклЮчила в скобки», то есть *приостановила* суждение, мораль и мир таким образом, чтобы можно было лучше поставить его под вопрос, задавая себе *направление*: «там, где было оно, должно стать я»» (Kristeva 2019; курсив автора. — И. Ж.).

Конечно, психоанализ, размышляя о недоступности женского и опасно спрашивая «Чего хочет женщина?», по мысли Кристевой, рассматривал женскую субъективность как опасную силу, чуждую фаллоцентристскому порядку, всегда способную впасть в нарциссическую или мазохистскую регрессию, когда утрата видимых маркеров идентичности вызывает угрозу чувственного поглощения и риск распада субъекта и его переход на уровень эндогенного и патологического аутизма. Но именно Фрейд, открывший «две фазы» женского Эдипа, продемонстрировал, считает Кристева, что женское является фактором трансформируемости психической жизни (Ibid.). Заслуга психоанализа, по мнению Кристевой, заключается в открытии *трансформативного женского*, демонстрирующего обладание-необладание самостью, любовь-ненависть к Фаллосу, которое организовано как многослойная, полилингвистическая структура, образующая каскад одновременно присутствующих сенсорностей, фантазий и идеалов, смешивающих удовольствие отдельных органов в неиссякающий поток женского наслаждения (Ibid.), того самого *jouissance feminine*, которым вдохновлялись теоретики феминистского психоанализа 1980-х, и женского, задействующего взрывной потенциал истерии, письма.

Джудит Батлер в своей недавней книге «Силы ненасилия: этико-политическая связь» (2020) также обращается к психоанализу, в частности к исследованиям Фрейдом влечений, а именно влечения к смерти, размышляя о возможности политик нена-

взаимодополнительности психоаналитической и феминистской методологий, таких как *Feminism and Its Discontents: A Century of Struggle with Psychoanalysis* (2000), автор которой утверждает, что «феминизм и психоанализ развивались диалогически, то есть в непрекращающейся беседе друг с другом»; *Surrealism, Feminism, Psychoanalysis* (2017); *Feminism, Psychoanalysis, and Maternal Subjectivity* (2013); а также в исследованиях, публикующихся в вышеупомянутой книжной серии «Психоанализ и женщины» Комитета женщин в психоанализе Международной психоаналитической ассоциации.

силы и сопротивления силам насилия и милитаризма в ситуации современного мира «онтологий войны». В качестве средства против милитаристского влечения к смерти Фрейд, по мнению Батлер, находит альтернативное влечение — *манию* как средство против милитаристских политик, понимаемую как противостоящий разрушающей меланхолии протест живого организма против его деструкции или самодеструкции. Мания, считает Батлер, утверждает желание существовать и выстоять, которое не имеет под собой никаких реальных оснований в рамках конкретного политического режима (Butler 2020: 166).

Конечно, оговаривается Батлер, мания никогда не сможет стать так называемой реальной политикой. Тем не менее, не превращаясь в форму деструкции, она привносит стимулирующие элементы воображаемого в формы солидарности, которые стремятся демонтировать насильственные режимы, настаивая вопреки всему на «другой реальности». Поэтому если современный феминизм отыщет формы воспитания людей определенным («маниакальным») образом, у них можно развить, по предположению Батлер, маниакальное отвращение к насилию и войне как способам уничтожения органической жизни (Ibid.: 182). Иначе говоря, отвращение к насилию и войне может ближайшим образом проявиться у субъекта не вербально, не в словах о мире и ненасилии, а в телесном жесте, подобном жесту истерического спазма Доры, посредством которого она говорит свое «нет» домогательствам господина К.

Известная феминистская исследовательница политики Линда Зерилли также предлагает переосмыслить фигуру истерички/ка как субъекта сопротивления в контексте исследований механизма истерической симуляции Фуко, которая, по его мнению, является исторической проблемой психиатрии, ведущей в итоге к ее поражению. Хотя Зерилли уточняет, что она далека от того, чтобы рассматривать истеричку как протофеминистскую фигуру сопротивления патриархатной власти, она обнаруживает в исследованиях истерии Фуко механизм, позволяющий истеричке/ку оставаться слепым пятном в технологии дисциплинарной власти, делая ее функционирование видимым (см.: Zerilli 2015).

Зерилли, разбирая понятие радикального сопротивления, которое Фуко использовал в лекциях о психиатрической власти 1974 года с помощью понятия истерической симуляции, пишет, что мы должны понять, что именно требуется от истерички в ситуации психиатрического лечения, и что она должна подтвердить. Это, во-первых, авторитет лечащего врача, понимаемый как безличный и анонимный, а во-вторых, легитимность психи-

атрической власти, ее способность точно диагностировать и лечить психические заболевания. Этот авторитет основывается на том, что он никогда не ставит вопрос об истине, постулируя, что психиатрия как «истинная наука» уже содержит в себе все критерии истины и, таким образом, исключает любые внешние факторы оценки своего решения. Однако истеричка, по своей воле вызывая у себя симптомы, которые соответствуют стандартам истерии как болезни, но при этом симулируются, бросает вызов авторитету врача, который, как предполагается, должен обеспечивать проявление истерических симптомов. Ведь истеричка может поступить иначе — сказать: «Если вы утверждаете, что обладаете истиной, данной раз и навсегда, с точки зрения уже полностью сформированного знания, что ж, тогда со своей стороны я буду воплощать собой ложь. Формально я признаю то, что вы говорите обо мне, что я — истеричка, но вы никогда не узнаете, является ли истинным это мое признание» (Ibid.). Предполагая такую возможность, дисциплинарная психиатрическая власть должна предпринять меры, исключающие возможность истерической симуляции. Поэтому Шарко и его ученики пытались разрабатывать и применять, как отмечал Фуко, набор специальных регистрирующих техник, позволяющих, по их мнению, облегчить контроль над волей своих подопытных и убедиться в надежности гипнотического состояния, устраняя подозрение, что загипнотизированный субъект симулирует.

Таким образом, истерическая симуляция, как показывает, по мнению Зерилли, Фуко, — это гораздо больше, чем нарушение правил игры; это — то, что в корне разрушает саму игру психиатрической власти и, строго следуя правилам игры, отменяет их. Получается, что врач не осознает того, о чем он просит истеричку: открыто проявить ее болезнь. Ведь возможность сделать это устанавливает как само собой разумеющееся, что она может поступить иначе. Психиатрическая власть в результате оказывается в случае истерической симуляции в ситуации мучительных перформативных противоречий: для нее необходимо, чтобы истеричка свободно заявляла о себе, что она больна, при этом отрицая, что такая свобода возможна, потому что она больна. Получается, что как отказ субъекта признать диагностику врача, так и неадекватное, гипертрофированное удовлетворение его потребности в признании в форме истерической симуляции могут в равной степени вызывать то, что Фуко называет «завалами и крушениями» технологий власти (Ibid.).

Завершает Зерилли свой анализ обнаруживаемого Фуко контр-властного потенциала истерической симуляции выводом, отно-

сящимся к оценке этого потенциала для феминизма, замечая, что важно проводить различие между видами истерической симуляции в зависимости от их социальной значимости и возможного вклада в феминистское движение. Поэтому Зерилли предлагает феминисткам, ищущим возможности задействовать субверсивный потенциал истерии, различать между теми женщинами, которые развивали у себя истерические симптомы, выражая тем самым протест против своего заключения в патриархатной семье XIX века (так называемые «феминистки до феминизма»), но которые большей частью оставались «невидимыми» в публичном пространстве и подчиненными технологиям власти (включая психиатрические клиники и другие патриархатные структуры), и теми активными, публично заявившими о себе женщинами, которые смогли с помощью своей истерии реализовать феминистские стратегии протеста, создавая новые формы ассоциации, сделавшие возможным феминизм первой волны (Ibid.).

Конечно, с точки зрения современной эгалитарно ориентированной феминистской теории, призывающей не делить человеческие жизни на более значимые, стоящие того, чтобы их проживать, и менее значимые (Butler 2009: 4), вывод, который делает Зерилли из своего замечательного феминистского анализа исследований механизма истерической симуляции Фуко, является теоретически ошибочным и даже антифеминистским, потому что определенно предлагает поделить гетерогенное множество истерических женских субъектов на субъектов значимых и не значимых (с точки зрения перспективы прогресса женского и феминистского движения), то есть, по выражению Фуко, на жизни «славных» и «бесславных» людей; или, по выражению Батлер, на жизни, стоящие того, чтобы их проживать и о них горевать, и жизни, о которых не стоит скорбеть. И конечно, такое деление истерических женских субъектов на значимых и не значимых для истории принципиально расходится с предложенной Кристевой феминистской концепцией времени женщин — времени, которое не описывается эссенциалистскими и универсалистскими формулами линейного времени идентичностей, стремящихся обрести себя в знакомых и узнаваемых моделях женского, ассоциирующихся с репродуктивным циклом, материнской историей, вневременными идеалами женственности и женской красоты или возможного разрыва с патриархатными социальными и политическими порядками и т. д., а скорее мыслится как возврат к недифференцированной архаической (мифической) памяти, как к циклической или монументальной временности маргинальных движений (Кристева 2005: 129).

Другими словами, истерических субъектов вряд ли можно назвать, используя формулировки Фуко в отношении так называемых «бесславных людей», «несущественными существованиями», составляющими «миллиарды жизней, которым суждено пройти без следа» (Фуко 2002: 254), потому, что это они, так называемые истерички, сделали этот наш мир — и продолжают его делать — таким, как он есть; без них его бы просто не существовало — ни его литературы, ни искусства, ни философии, и, конечно, ни его психоанализа.

Сегодня исследователи психоанализа констатируют усиливающийся в терапевтическом сообществе запрос на переосмысление истерии, обусловленный тем, что, несмотря на низведение истерии номенклатурой *DSM* к различным формам соматизации, случаи, квалифицируемые как пограничные, часто могут гораздо точнее быть охарактеризованы именно как истерические (Бенвенуто 2016: 14). В результате, по словам Серджио Бенвенуто, мы наблюдаем сегодня двойной триумф истерии — клинический и теоретический: когда «спустя сто лет после открытия Фрейдом истерии в отделении Шарко в клинике Сальпетриер аналитики в Америке снова открывают, что... существуют истерички» (Там же); и когда новое поколение аналитиков проявляет все большую симпатию к истерии, понимая ее как вершину психоанализа именно потому, что психоанализ, несмотря на все успехи, не смог ни вылечить, ни устранить ее. По свидетельству Жаклин Шаффер, за сто с лишним лет после фрейдовского анализа случая Доры истерия прошла путь от «черного зверя» (как объекта особой ненависти, в высшей степени отвратительного), как называл истерию Фрейд, к признанию ее в качестве базовой организации человеческой психики, основного невроза, с которым сталкиваются все человеческие существа и который структурирует человеческую сексуальность (Schaeffer 2000: 136). Центральный вопрос истерии — вопрос об идентичности, на котором она фокусируется, в отличие от психоза, и благодаря которому, в лакановской терминологии, истерия, как отмечает Поль Верхаге, — это определение нормальности, характеризующее нормальный, хотя и остающийся загадочным тип субъективности, поскольку вопрос о том, почему истеричка избегает удовлетворения своего желания, по-прежнему остается открытым в психоанализе (Verhaeghe 1994: 3).

Начиная с 70-х годов прошлого века теоретики феминистского психоанализа провели, как показано в этой статье, большую работу, разъясняющую поверхностность той точки зрения, согласно которой психоаналитический подход к истерии устанавливает

уничижительное обозначение женского, а истерия оказывается сугубо мачистским термином, отметив, в частности, что уже Фрейд выявляет в истерии ее творческий потенциал, трансферную креативность — неутомимую и непрестанно возобновляющуюся (Schaeffer 2000: 136). Возможно, представительниц «истерически вовлеченного» феминизма можно упрекнуть в некотором избытке энтузиазма по поводу эмансипаторного потенциала истерии, но в главном они, на наш взгляд, безусловно правы — феминисткам не стоит отвергать психоаналитическую теорию истерии как по определению мизогинистскую; напротив, психоанализ позволяет обнаружить в истерии логику контр-патриархатную, демонстрирующую непредсказуемость, контингентность, нарушение иерархий, оппозиций успешности и неуспешности как главных бинарных оппозиций, на которых базируется патриархат. Если следовать этой логике, к истерическому субъекту неприменима маркировка ее/его поведения в терминах неудачи, неуспеха, которую Шоуолтер применяет к Доре, называя ее «истеричкой-неудачницей». Отказываясь участвовать в маскулинной, основанной на состязательности, организации общественных отношений, истеричка не может стать ни победительницей, ни неудачницей в навязываемой ей патриархатным порядком политико-экономической конкурентной борьбе. Ее политическая логика особого, нефаллического, по выражению Гэллоп, рода, оспаривает правила общественного порядка, в котором человечество делится на победителей и проигравших, на «хозяев жизни», наслаждающихся своей жизнью, и «лузеров», не способных реализовать свои желания.

Библиография

- Бенвенуто, Серджио (2016). «Дора убегает... Что еще можно добавить к вопросу об истеричках?». *Лаканалия*. <https://freud-lacan.spb.ru/lakanaliya/21-dora-madonna/serzhio-benvenuto-dora-ubegaet-chno-eshhe-mozhno-dobavit-k-voprosu-ob-isterichkah>.
- Гэллоп, Джэйн (2001). «Ключи к Доре». В кн.: *Введение в гендерные исследования. Часть 2: Хрестоматия*. Под. ред. С. Жеребкина. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя.
- Жеребкина, Ирина (2007). «Основные концепции женской субъективности в феминистском психоанализе». В кн.: Жеребкина, Ирина, *Субъективность и гендер*. СПб: Алетейя.
- Жеребкина, Ирина (2018). «Изобретение истерички». В кн.: Жеребкина, Ирина, *Страсть. Женская сексуальность в России в эпоху модернизма*. СПб: Алетейя.
- Иригарей, Люс (2001). «Пол, который не единичен». В кн.: *Введение в гендерные исследования. Часть 2: Хрестоматия*. Под. ред. С. Жеребкина. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя.
- Кристева, Юлия (2005). «Время женщин». В кн.: *Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000*. Под ред. Л. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН.

- Нуссбаум, Марта (2018). «Профессор пародии». Syg.ma. <https://syg.ma/@dmitry-sereda/marta-nussbaum-professor-parodii>.
- Сиксу, Элен (2001). «Хохот Медузы». В кн.: Введение в гендерные исследования. Часть 2: Хрестоматия. Под ред. С. Жеребкина. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя.
- Сиксу, Элен (2003). «Три ступени на лестнице литературного творчества». *Гендерные исследования*, № 9: 15–23.
- Фуко, Мишель (2002). «Жизни бесславных людей». В кн.: Фуко, Мишель, *Интеллектуалы и власть. Часть 1: Статьи и интервью, 1970–1984*. М.: Праксис.
- Butler, Judith (2009). *Frames of War: When Is Life Grievable?* London; New York: Verso.
- Butler, Judith (2020). *The Force of Nonviolence: The Ethical in the Political*. London; New York: Verso.
- Cixous, Helene, Clement, Catherine (1986). *The Newly Born Woman*. Manchester: Manchester University Press.
- Devereux, Cecily (2014). “Hysteria, Feminism, and Gender Revisited: The Case of the Second Wave.” *ESC* 40, № 1: 19–45.
- Faludi, Susan (1991). *Backlash: The Undeclared War Against American Women*. New York: The Crown Publishing Group.
- Gallop, Jane (1982). *The Daughter's Seduction: Feminism and Psychoanalysis*. Ithaca: Cornell University Press.
- Gallop, Jane (1992). *Around 1981: Academic Feminist Literary Theory*. New York; London: Routledge.
- Irigaray, Luce (1985). *This Sex Which Is Not One*. Ithaca: Cornell University Press.
- Kelly, Mary (1990). “That Obscure Subject of Desire: An Interview with Mary Kelly by Hal Foster.” In: *Interim*. New York: The New York Museum of Contemporary Art.
- Kristeva, Julia (2019). “Prelude to an Ethics of the Feminine.” *Kristeva.fr*. <http://www.kristeva.fr/prelude-to-an-ethics-of-the-feminine.html>.
- Mitchell, Juliet (1974). *Psychoanalysis and Feminism: Freud, Reich, Laining and Women*. New York: Vintage Books.
- Schaeffer, Jacqueline (2000). “L’hystérie: une libido en crise face à la différence des sexes.” In: *Hystérie*, ed. Annie Anargyros-Klinger, 107–138. Paris: Presses Universitaires de France.
- Schor, Naomi (1995). “Depression in the Nineties.” In: Schor, Naomi. *Bad Objects: Essays Popular and Unpopular*. Durham: Duke University Press.
- Showalter, Elaine (1993). “Hysteria, Feminism, and Gender.” In: *Hysteria Beyond Freud*, eds. Sander L. Gilman, Helen King, Roy Porter, G. S. Rousseau, Elaine Showalter, 286–344. Berkeley: University of California Press.
- Verhaeghe, Paul (1994). “Psychotherapy, Psychoanalysis, and Hysteria.” *The Letter* 2: 47–68.
- Zerilli, Linda (2015). “Linda Zerilli on the Hysteric, Disciplinary Power, and Resistance.” *Blogs.law.columbia.edu*. <http://blogs.law.columbia.edu/foucault1313/2015/10/30/foucault-413-linda-zerilli-on-the-hysteric-disciplinary-power-and-resistance>.

Ирина Жеребкина

Irina Zherebkina

*Professor of Philosophy;
V. N. Karazin Kharkiv National University,
Svobody Square 6, Kharkov, Ukraine;
E-mail: irinaz@univer.kharkov.ua*

***An Affair with Hysteria:
From Feminist
Post-Lacanian Psychoanalysis
to New Studies
of Hysteria***

Abstract:

This article is dedicated to post-Lacanian feminist psychoanalysis—an influential current of twentieth-century feminist theory, and to rethinking the problematizations made by this psychoanalytical current within the field of contemporary feminist theory. It presents the project of reinterpreting the psychoanalytical theory of hysteria within the framework of the so-called hysterically engaged feminism and its methodological influence upon the theories and practices of feminist literary criticism. It furthermore presents the polemic and main critical arguments against the “hysterically engaged” feminism in feminist theory of the 1990s and the attempts to reboot this kind of feminism in the 2010s and 2020s. It also shows that, largely thanks to the feminist theoreticians of psychoanalysis of the 1980s onward, the opposition between psychoanalysis and feminism, as well as that between feminism and hysteria, appear archaic and methodologically unproductive in the third decade of the twenty-first century. According to many leading researchers of psychoanalysis, such as Juliet Mitchell, Jacqueline Rose, Theresa de Lauretis, Mariam Alizade, Jacqueline Schaeffer, and others, psychoanalysis more than any other discipline has contributed to the rise of female self-identity and feminist mobilization, despite its masculinist tradition and frequent overtly manifested antifeminism.

Keywords:

Feminist post-Lacanian psychoanalysis, “hysterical engagement,” “case of Dora,” non-phallogocentric desire, female pleasure, female writing, new studies of hysteria, mania, hysterical simulation.

References

- Benvenuto, Sergio (2005). “Dora Flees... Is There Anything Left to Say About Hysterics?” *European Journal of Psychoanalysis* 21.2 http://www.psychomedia.it/jep/number21/benvenuto_dora.pdf
- Butler, Judith (2009). *Frames of War: When Is Life Grievable?* London: Verso.
- Butler, Judith (2020). *The Force of Nonviolence: The Ethical in the Political*. London: Verso.
- Cixous, Hélène (1976). “The Laugh of the Medusa.” *Signs* 1.4: 875–93.
- Cixous, Hélène (1994). *Three Steps on the Ladder of Writing*. New York: Columbia University Press.
- Cixous, Hélène, and Catherine Clement (1986). *The Newly Born Woman*. Manchester: Manchester University Press.
- Devereux, Cecily (2014). “Hysteria, Feminism, and Gender Revisited: The Case of the Second Wave.” *ESC: English Studies in Canada* 40.1: 19–45.
- Faludi, Susan (1991). *Backlash: The Undeclared War Against American Women*. New York: The Crown Publishing Group.
- Foucault, Michel (2000). “Lives of Infamous Men.” In *Power*, 157–74. New York: The New Press.
- Gallop, Jane (1982). *The Daughter’s Seduction: Feminism and Psychoanalysis*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Gallop, Jane (1985). “Keys to Dora.” In *Dora’s Case: Freud-Hysteria-Feminism*, ed. Charles Bernheimer and Claire Kahane, 200–220. London: Virago Press.
- Gallop, Jane (1992). *Around 1981: Academic Feminist Literary Theory*. London: Routledge.
- Irigaray, Luce (1985). *This Sex Which Is Not One*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Kelly, Mary (1990). “That Obscure Subject of Desire: An Interview with Mary Kelly by Hal Foster.” In *Interim*, New York: The New York Museum of Contemporary Art.
- Kristeva, Julia (1988). “Women’s Time.” *Signs* 7.1: 13–35.
- Kristeva, Julia (2019). “Prelude to an Ethics of the Feminine.” Julia Kristeva. <http://www.kristeva.fr/prelude-to-an-ethics-of-the-feminine.html>.
- Mitchell, Juliet (1974). *Psychoanalysis and Feminism: Freud, Reich, Laining and Women*. New York: Vintage Books.
- Nussbaum, Martha C. (1999). “The Professor of Parody: The Hip Defeatism of Judith Butler.” *The New Republic*, February 22. <https://newrepublic.com/article/150687/professor-parody>
- Schaeffer, Jacqueline (2000). “L’hystérie: une libido en crise face à la différence des sexes.” In *Hystérie*, ed. Annie Anargyros-Klinger, 107–38. Paris: Presses Universitaires de France.
- Schor, Naomi (1995). “Depression in the Nineties.” In *Bad Objects: Essays Popular and Unpopular*, pp. 159–64. Durham, NC: Duke University Press.
- Showalter, Elaine (1993). “Hysteria, Feminism, and Gender.” In *Hysteria Beyond Freud*, ed. Sander L. Gilman, Helen King, Roy Porter, G. S. Rousseau, Elaine Showalter, pp. 286–44. Berkeley: University of California Press.
- Verhaeghe, Paul (1994). “Psychotherapy, Psychoanalysis, and Hysteria.” *The Letter* 2: 47–68.

- Zerilli, Linda (2015). "Linda Zerilli on the Hysteric, Disciplinary Power, and Resistance." *Michel Foucault's Collège de France Lectures (1970–1984)*. <http://blogs.law.columbia.edu/foucault1313/2015/10/30/foucault-413-linda-zerilli-on-the-hysteric-disciplinary-power-and-resistance>.
- Zherebkina, Irina (2007). *Sub'yektivnost' i gender* [Subjectivity and gender]. St Petersburg: Aletheia.
- Zherebkina, Irina (2018). "Izobreteniyе isterichki" [The invention of a hysteric]. In *Strast'. Zhenskaya Seksualnost v Rossii v Epohu Modernizma*. [Passion. Female sexuality in Russia in the age of modernism], 10–17. St Petersburg: Aletheia.